

сами освобождаютъ. Законъ 9-го ноября, "освобождающій отъ общины, если и возбуждаетъ негодованіе, даже ярость въ нашихъ освободителяхъ, то лишь потому, что онъ исходить отъ ненавистнаго имъ правительства,—ненавистнаго потому, что освободителямъ самимъ хотѣлось-бы занять мѣсто правительства. Нужны-ли однако намъ свободы? Да и "свобода-ли то, чѣмъ хотятъ насъ надѣлить наши освободители? Свобода отъ всѣхъ союзовъ, начиная съ брачнаго, семейнаго и до государственнаго, отдать человѣка, ставшаго одинокимъ, въ полнѣйшее рабство слѣпымъ силамъ, которые дѣйствуютъ въ насъ и вѣтъ насъ. Отдѣльные индивидуумы, слѣдя слѣпымъ влечениямъ, безсознательно, путемъ борьбы съ себѣ подобными, опять будуть складываться въ общества, подобныя животному организму, въ которыхъ большинство обращается въ орудіе для меньшинства,—меньшинство становится головою, а большинство руками, ногами, т. е. обезглаголивается. Родъ человѣческій уже пережилъ такой процессъ въ древнемъ мірѣ, достигнувъ высшей стадіи развитія въ Римской Имперіи, которая готова была объединить міръ, но нашествіе варваровъ, разрушивъ все созданное древнимъ міромъ, обратило всѣхъ къ первобытной простотѣ, и опять начался уже пройденный процессъ созиданія общества по образу животнаго организма. А теперь наши освободители приняли на себя роль варваровъ и хотятъ разбить тотъ строй, который долженъ перейти въ высшую форму, замѣнить форму животнаго организма иною формою. Самодержавіе и ведеть общество,—т. е. должно бы вести,—по идеѣ, вложенной въ самодержавіе,—къ переходу въ эту иную, высшую форму, ограничивая, путемъ собиранія земель и народовъ, взаимное истребленіе и борьбу. Но пока собираніе не достигло полноты, пока оно не стало полнымъ умиротвореніемъ, и самодержавіе вынуждено защищаться отъ не-признающихъ общаго отечества („Филос. Общ. Дѣла“, стр. 397-я). Требуется знать, въ чемъ нашъ долгъ, въ чемъ заключается цѣль и смыслъ нашего существованія, наше предназначеніе и путь къ осуществленію этого предназначенія. Только сознаніе долга и знаніе пути, способа выполненія долга, выведетъ насъ изъ того тяжкаго положенія, въ которомъ мы находимся, а не свободы, о которыхъ такъ хлопочеть, не останавливаясь даже предъ тяжкими преступленіями, оторвавшаяся отъ народа, чуждая духу народному интеллигенція,—интеллигенція, измѣнившая своему народу и вполнѣ предавшаяся идеямъ и чувствамъ Запада. На стр. 378—383 „Филос. Общ. Дѣла“, въ статьѣ „Самодержавіе“, говорится: „На обширномъ Памирскомъ материкѣ, обнимающемъ три части свѣта,—Азію, Африку и Европу,—на материкѣ самодержавія и объединенія, небольшую часть самой малой изъ трехъ частей свѣта занимаетъ Западная Европа, полуостровъ розни, или конституціи, отвоевавшій для каждого живущаго тамъ незавидное право жить только для себя,—право на рознь, на свободу, защита которой и составляетъ дѣло конституціи. Но въ этой странѣ закоренѣлого не добро, а свое—волія начинаетъ, повидимому, сознаваться несостоятельность конституціи, начинаетъ проявляться уваженіе къ самодержавію. Случай для проявленія уваженія къ самодержавію былъ данъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ смертью Монарха—хранителя мира. Если бы людямъ сороковыхъ годовъ показать октябрь-